пажъ передъ его домомъ и, ставши ногами прямо на сидѣнье экипажа, чтобы лучше видно было, смотрѣли въ бинокли прямо въ окна. Одинъ разъ, пріѣхавъ въ Ялту, я засталъ мать въ полной темнотѣ. Что такое? Почему такая темнота?

— Да вотъ боимся зажигать огонь, отвѣтила мнѣ мать,—сейчасъ начнутъ въ бинокли глядѣть, покойно поужинать не дадутъ.

А когда братъ умеръ, то въ первые же дни послѣ его смерти то и дѣло въ саду встрѣчались безцеремонно расхаживавшіе туристы, которые вызывали къ себѣ прислугу, требовали отъ нея указаній и разсказовъ и совершенно никакого вниманіе не обращали на то, что тутъ же были мать, сестра, я... А одинъ изъ посѣтителей даже сказалъ:—„Это—общественная собственность".

При жизни А. П. страдалъ тяжкою болью въ вискѣ. Начиналась она обыкновенно съ волнъ или мельканія въ глазу и завершалась тяжкими приступами боли въ правой половинѣ головы. Тогда ему дѣлалось дурно.

— Я весь въ тетку Ѳедосью... говорилъ онъ при этомъ.

Это лучшее самоопредѣленіе А. П. Не въ мать и не въ отца, а именно въ тетку Ѳедосью. А тетка Ѳедосья Яковлевна, родная сестра нашей матери, была положительно святою женщиной. Добрая, снисходительная, начитанная, умѣвшая превосходно разсказывать, она всегда страдала душою за всѣхъ и была вѣчною печальницей за слабыхъ и угнетенныхъ. Она также испытывала невыносимую боль въ вискѣ. Тетя—это лучшее воспоминаніе въ нашей жизни.

— Талантъ въ насъ со стороны отца, часто говорилъ мнѣ А. П.,—а душа со стороны матери.

И эта фраза какъ бы служитъ продолженіемъ предыдущей.

Михаилъ Чеховъ

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

II.

Всѣ изложенные планы устройства будущаго общества можно отнести къ соціализму въ узкомъ смыслѣ слова (коллективизму): всѣ они отнюдь не предполагаютъ однообразія потребленія и допускаютъ полную свободу выбора предметовъ потребленія и распоряженія ими въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ доходомъ каждаго. Напротивъ, для коммунизма характерно полное устраненіе категоріи дохода, какъ опредѣленной цѣнности, которою человѣкъ располагаетъ для своихъ потребительныхъ нуждъ. Коммунизмъ требуетъ, въ идеалѣ, полной свободы личнаго потребленія, безъ всякаго ограниченія: каждый черпаетъ изъ общаго фонда національнаго потребленія въ мѣру своихъ потребностей. Но такъ какъ ничто подобное въ ближайшемъ будущемъ совершенно неосуществимо, то на практикѣ коммунизмъ (поскольку онъ не превращался въ анархизмъ, какъ у Морриса), довольствуется требованіемъ полнаго равенства и единообразія потребленія для всѣхъ членовъ общества (примѣнительно, разумѣется, къ полу, возрасту, состоянію здоровья и другимъ естественнымъ различіямъ людей).

Типичнымъ образомъ централистическаго коммунизма является „Икарія" Кабэ [1]), планъ которой былъ непосредственно навѣянъ Кабэ „Утопіей" Мора.

Икарія—это коммунистическое государство, названное такъ въ честь своего основателя, Икара. По мысли своего творца она должна воплощать идеалъ раціональнаго устройства общества. Потому въ ней ничего нѣтъ случайнаго, безсознательнаго исторически возникшаго, но все проникнуто сознательной волей человѣка. Всякая наличная черта этого государства имѣетъ за себя какое-нибудь логическое основаніе.

Такой характеръ имѣетъ прежде всего, внѣшнее территоріальное дѣленіе страны. Въ современныхъ государствахъ города, провинціи, деревни складывались и выростали въ стихійномъ процессѣ историческаго развитія, случайно и неправильно. Икарія не такова. Она раздѣлена на 100 провинцій—не больше и не меньше. Каждая провинція занимаетъ одинаковую территорію и имѣетъ одинаковое населеніе. Каждая провинція состоитъ изъ 10 опять таки равныхъ коммунъ; въ центрѣ каждой провинціи помѣщается провинціальный городъ, а въ центрѣ каждой коммуны—коммунальный городъ. На территоріи каждой коммуны равномѣрно разсыпаны деревни и фермы жителей.

Въ центрѣ государства помѣщается его главный городъ, Икара. Тутъ чудеса правильности и симметріи достигаютъ своего высшаго предѣла. Даже рѣка, которая протекаетъ черезъ этотъ городъ, вытянута искусственными сооруженіями въ почти правильную геометрическую прямую линію.

[1]) Кабэ, глава французской коммунистической школы (1788—1856). Сынъ простого рабочаго, онъ занимался въ молодости адвокатурой, защищая, преимущественно, политическія дѣла. Онъ велъ дѣятельную борьбу съ правительствомъ Карла XII и Луи-Филиппа, былъ присужденъ къ тюремному заключенію, бѣжалъ въ Англію и тамъ написалъ въ 1840 г. свой знаменитый романъ „Путешествіе въ Икарію", въ которомъ далъ яркую картину коммунистическаго общественнаго строя. Въ 1847 г. Кабэ сдѣлалъ попытку устройства коммунистической общины въ Америкѣ. Основанная имъ община вначалѣ имѣла успѣхъ, но затѣмъ распалась; Кабэ былъ исключенъ изъ общины своими послѣдователями и вскорѣ послѣ этого въ Америкѣ же умеръ.

Закономъ общественнаго устройства Икаріи является принципъ самого строгаго равенства всѣхъ. Общество принимаетъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы въ корнѣ убить самые зачатки неравенства. Всѣ жители получаютъ нужныя имъ предметы потребленія отъ государства которое отводитъ каждой семьѣ одинаковыя дома съ одинаковой меблировкой, даетъ одежду одинаковаго покроя и въ одинаковомъ количествѣ, одинаково кормитъ всѣхъ въ общественныхъ ресторанахъ и т. д. и т. д. Если какого-либо предмета потребленія не хватаетъ для всѣхъ то, чтобы не нарушать принципа равенства, государство не даетъ его никому, совершенно его не производитъ.

Законъ устанавливаетъ всѣ подробности личнаго потребленія. Такъ напримѣръ особый комитетъ вырабатываетъ форму одежды, покрой ея. цвѣтъ и пр., и эта форма обязательна для всѣхъ.

Но, во вниманіе къ слабости человѣческой, Кабэ допускаетъ различіе въ цвѣтѣ одежды: блондинки могутъ получать одежду голубого цвѣта, а брюнетки—краснаго.

Существуетъ и другое распредѣленіе формы одежды: одежда въ Икаріи служитъ не только для защиты отъ холода и украшенія человѣка, но и преслѣдуетъ другія, болѣе существенныя цѣли. „Особенности одежды, восклицаетъ восторженный поклонникъ икарійскихъ порядковъ, добродушный папа Кабэ,—должны указывать на всѣ обстоятельства жизни человѣка. Дѣтство и юность, годы возмужалости и зрѣлаго возраста, состояніе въ бракѣ или внѣ его, вдовство, профессія или занятіе, все это указывается одеждою. Всѣ лица одинаковаго положенія имѣютъ одинаковую форму; но тысячи различныхъ формъ соотвѣтствуютъ тысячамъ различныхъ положеній человѣка".

Итакъ, въ Икаріи нельзя будетъ скрывать, своего возраста, нельзя будетъ никого вводить въ обманъ и прикидываться неженатымъ, достаточно будетъ одного взгляда на икарійца чтобы безошибочно опредѣлить, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

Заботы Кабэ о доброй нравственности своихъ гражданъ и гражданокъ простираются до того, что онъ строго регламентируетъ, въ какомъ возрастѣ женщины получаютъ право носить цвѣты, перья на шляпахъ, драгоцѣнности, яркія платья и когда онѣ должны переходить къ болѣе скромнымъ одеждамъ. Все должно быть разумно въ Икаріи и содѣйствовать общему благополучію.

Для Кабэ возникаетъ одна трудность—какъ быть съ, къ сожалѣнію, не вполнѣ устранимымъ, разнообразіемъ физическаго сложенія людей? Вѣдь Икарія не знаетъ работы на заказъ, примѣнительно къ физическимъ особенностямъ и вкусамъ заказчиковъ. Вся одежда выдѣлывается въ ней на огромныхъ фабрикахъ и распредѣляется въ готовомъ видѣ между жителями. Однако люди не всѣ одинаково сложены. Но и съ этой трудностью справляется авторъ „Икаріи". Одежда будетъ приготовляться изъ эластичныхъ тканей, „такъ что будетъ годиться людямъ различнаго роста и сложенія.

Таково будетъ это царство скуки, скуки и коммунизма, кажущееся его творцу идеаломъ совершенства. Свободы печати въ немъ, конечно, не будетъ такъ какъ нельзя же позволить каждому печатать на общественный счетъ все что ему вздумается. По этому деликатному вопросу Кабэ заставляетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ вести слѣдующій діалогъ.

„Республика—сказалъ Евгеній,—печатаетъ заранѣе одобренныя работы, чтобы затѣмъ раздавать ихъ даромъ, какъ и все остальное, частью однимъ ученымъ, частью всѣмъ семьямъ, такъ что библіотека каждаго гражданина состоитъ только изъ самыхъ лучшихъ книгъ".

— „Превосходно!" замѣтилъ Вальморъ.

— „И республика,—прибавилъ я—исправила и передѣлала всѣ старыя книги, которыя были плохи, напр., національную исторію, и сожгла всѣ старыя книги, которыя были признаны вредными или безполезными".

— „Сожгла!" воскликнулъ Евгеній—васъ можно было бы обличить, что вы желаете подражать Омару, сжегшему александрійскую библіотеку!"

„Но на это я отвѣчу—сказалъ Вальморъ—что мы дѣлаемъ въ пользу человѣчества то же, что тираны дѣлали противъ него; мы сожгли вредныя книги, между тѣмъ какъ фанатики сжигали безвредныхъ еретиковъ. Однако, мы сохранили въ нашихъ большихъ національныхъ библіотекахъ по нѣсколько экземпляровъ старыхъ книгъ, чтобы люди не забывали о невѣжествѣ и безуміи прежняго времени и о прогрессѣ настоящаго".

— „Счастливая Икарія,—воскликнулъ Евгеній, воодушевленіе котораго постепенно возрастало,—счастливая Икарія, что она идетъ такъ быстро по пути прогресса! Какъ она счастлива, что въ ней нѣтъ ничего дурного, даже почти ничего посредственнаго, а во всемъ достигнуто почти полное совершенство!"

Образчикомъ этого почти полнаго совершенства можетъ служить икарійская пресса. Икарійцы презираютъ лживую и испорченную прессу нашего времени. Взамѣнъ этого, они установили слѣдующій порядокъ. Въ каждой коммунѣ разрѣшается изданіе только одной коммунальной газеты, въ каждой провинціи —одной провинціальной газеты, и во всемъ государствѣ одной національной газеты. Редакторомъ каждой такой газеты намѣчается особо выбранное народомъ и пользующееся его довѣріемъ лицо. Но и этого мало—и это лицо могло бы оказаться не на высотѣ положенія и вносить свои индивидуальные вкусы и мнѣнія въ оцѣнку текущихъ событій. Поэтому, „чтобы вырвать зло съ корнемъ,—говоритъ икаріецъ Вальморъ,—мы рѣшили, чтобы газеты имѣли